

Посвящается Эксу.
Ты выиграл.

Содержание

Благодарности 7

Часть 1 НА УЛИЦЕ

- | | |
|--|-----|
| 1. Ты вообще знаешь, где, черт возьми, находишься? | 11 |
| 2. Там, где красивые девушки | 36 |
| 3. Цыпленок а-ля ЛСД | 63 |
| 4. Пять черепов и ходячая смерть | 89 |
| 5. Слишком высоко | 116 |
| 6. Пропавший миллион | 142 |
| 7. Тупые наркоманы | 172 |
| 8. Летать как космический мозг | 203 |
| 9. Рай слишком близко | 235 |

Часть 2 РЕАЛЬНОСТЬ — ЭТО МЕЧТА

- | | |
|-------------------------------|-----|
| 10. По эту сторону ада | 265 |
| 11. Купил себе иллюзию | 294 |
| 12. Прекрасная лажа | 326 |
| 13. 2000 намерений | 354 |
| 14. The Project | 384 |
| 15. Аромат Мака | 411 |
| 16. Во всем виноват Фалуныгун | 439 |
| 17. В этой жизни | 473 |
| Примечания и источники | 503 |

Благодарности

Сердечное спасибо всем, кто помогал воплотить эту книгу в реальность, прямо или косвенно, во времени и пространстве. Благодарю вас, Линда Уолл, Анна Валентайн, Роберт Кирби, Малкольм Эдвардс, Алан Нивен, Дуг Голдштейн, Вики Гамильтон, Эмма Смит, Кейт Уолш, Марли Прайс, Джессика Пердью, Кристина Куявинска, Марк Хэндсли, Крейг Фрейзер, Марк Томас, Джон Хоттен, Дейв Эверли, Джо Дейли, Ванесса Ламперт, Стив Моран, Иэн Кларк и Джон Хокинс. Отдельная благодарность пяти участникам оригинального состава Guns N' Roses.

Часть первая

На улице

«Оставь надежду, иллюзии, желания... Я сам пытался, но все равно желаю не желать, надеюсь жить без надежды и питаю иллюзию, что смогу прожить без иллюзий. Оставь их. Откажись от всего, включая желание быть спасенным».

ЛЮК РАЙНХАРТ «ЧЕЛОВЕК ЖРЕБИЯ»

1

Ты вообще знаешь, где, черт возьми, находишься?

Лос-Анджелес полон призраков. Если проехать по Западному Голливуду, по бульвару Сансет и его многочисленным переулкам, то из прошлого обязательно возникнут имена и места — некоторые еще яркие, а другие словно в тумане, но при одном только упоминании каждое из них пробуждает свои собственные воспоминания. «Tower Records», которые обанкротились в 2006 году; отель «Hyatt», ранее страшно известный как «Дом бунтарей», а ныне стерильный бутик-отель под названием «Andaz West Hollywood»; концертный зал «Роху», бар «Rainbow», ночной клуб «Whisky a Go-Go», клуб «Troubadour» — все они еще стоят в тумане своего общего неповторимого прошлого; неприятные заведения типа ночных клубов «Coconut Teaszer» и «Gazzarri's» уже давно закрылись; тату-салон «Sunset Strip Tattoo» переехал из ветхой лавочки напротив «Hyatt», где раньше находился, вниз по бульвару Сансет; здания клубов «Starwood», «Tropicana», «Cathouse» и «Seventh Veil» полностью переделали; круглосуточный супермаркет «Ralphs» видел столько выдающихся музыкантов, что его прозвали «Rock'n'roll Ralphs»; здания «Capitol Records» и «Geffen Records» служат памятниками исчезнувшей индустрии. А чего стоят переулки — каждый со своей историей:

Норт-Кларк-стрит, где когда-то в дешевых квартирках, которых здесь было полно, жили музыканты Mötley Crüe и Guns N' Roses; Алта Лома, где находился «тайный оазис» отеля «Sunset Marquis» — Хантер Томпсон называл его «Хилтоном для лузеров» — и где в домиках у плещущегося бассейна постоянно тусовались самые разные музыканты и богачи Лос-Анджелеса...

Сейчас Западный Голливуд совершенно другой, и, по иронии судьбы, в противоположность ярко выраженной гетеросексуальности 80-х, теперь это один из излюбленных районов ЛГБТ-сообщества. Но для тех, кто знаком с призраками этого района и кто застал его расцвет в 1980-х годах, он остается местом, где случалось все, что только могло случиться. Где в эту минуту все было о-о-о-очень круто, детка, но полностью выходило из-под контроля в следующую.

Представьте, что вы приехали сюда так же, как приехал Уильям Эксл Роуз и тысячи других — с автобусного вокзала «Грейхаунд» в Северном Голливуде, и впервые увидели район Стрип бульвара Сансет в свете ночных огней. Атмосфера этого места обрушилась на вас, как выстрел в спину, как заряженная смесь амбиций, страсти, наслаждений и отчаяния: каждый день здесь все равно что первый вечер вдали от дома — без ответственности, без забот о завтрашнем дне, без чьих-либо тупых советов о том, что тебе делать, что носить и куда идти, — пьянящий аромат свободы, который одурманивает и одновременно пугает. Концентрация бреда и тестостерона здесь просто зашкаливала. Каждый играл в какой-нибудь группе, собирал группу, думал собрать группу или работал промоутером, диджеем, виджеем или менеджером. В доинтернетовскую эпоху дешевые ксерокопии листовок были лучшим способом донести информацию, кто ты такой и когда ты играешь, — к концу вечера выброшенные бумажки покрывали бульвар Сансет как опавшие листья. Группы собирались, распались и снова собирались, один парень занимал место другого,

одно имя вычеркивали и вписывали новое, один сумасшедший сменялся другим. Свободные коллективы искали магическую формулу успеха, момент славы, когда фитиль наконец загорится и они начнут свое восхождение к вершине, перестав платить за свое участие в концертах.

Чудо на самом деле могло случиться и случилось: если оглядеться, то можно увидеть людей, которым крупно повезло, — вот Дэвид Ли Рот, вокалист Van Halen, величайшей группы самоучек Лос-Анджелеса, знакомится со своим менеджером Питом Анджелесом в клубе «Rainbow»; вот Винс Нил, мексиканский парнишка из плохого района, допелся до платинового рая в группе Mötley Crüe и ведет девушек, которые борются в грязи в клубе «Tropicana», к себе домой на вечеринку; вот Роббин Кросби, взрывной светловолосый гитарист Ratt, прислонился к барной стойке в «Troubadour», и его окружают девушки с членами и без... И пока боги не решат, что это и твоя судьба, ты будешь кочевать по дешевым комнатам, чужим диванам и подвалам для репетиций. В каком-то фильме несколько раз повторяли, что это «обед для слабаков», а в этом странном месте под названием Голливуд для слабаков были еще и завтрак, и ужин. Любые лишние деньги — а у кого они были? — уходили на пьянки, гулянки и листовки еще до того, как приходилось наскрести мелочь на фастфуд и всякую дешевую дрянь, которая оставалась на полках супермаркета «Ralphs» после полуночи. Настоящие голливудские вампиры знали девчонок, которые купят им продукты и пустят в свою постель, пока те стараются забраться наверх по скользкому шесту славы.

Это был особый образ жизни, который вели в определенное время в определенном месте, и вскоре с нескольких освещенных неонами улиц он распространился на весь мир. Рок-газетенки вроде «Hit Parade», «Circus», «RIP», «Spin» и «Kerrang!» только укрепили миф о жизни рок-музыкантов. Видеоклипы, которые сначала показывали в специализированной передаче

«Headbangers Ball», попали в дневной эфир на «MTV». Песни с радиостанций типа «KNAC» в исполнении Poison, W.A.S.P., Оззи Осборна стали крутить в эфире по всей Америке. Люди видели и слышали, что происходит в этом городе, поэтому тысячами съезжались сюда, чтобы стать частью этой жизни. Эксл пробыл здесь всего несколько недель, но это место и эти люди пугали его настолько, что он ходил «с газовым баллончиком в одной руке и куском арматуры в другой» — как настоящий деревенщина, каким он, собственно, и был. Но Роуз твердо знал, что еще вернется...

Юный Билл Бэйли, которому только исполнилось восемнадцать и который еще не был Уильямом Экслем Роузом, стал кошмаром для полицейских своего городка. В конце 1970-х годов в городе Лафайете штата Индиана большинство трудных подростков были одинаковыми: скучающими, пьяными, полными гормонов и не особенно умными. Чтобы их поймать, не нужно было вызывать ФБР. Билл Бэйли был другим. Он был умен, очень умен, и у его непокорности были корни и причины. Дело не в том, что копы не могли его арестовать. Они не могли его остановить, не могли заставить уважать власть и признать чей бы то ни было авторитет. По подсчетам Роуза, его арестовывали 20 раз («из них за дело только пять»), но, судя по протоколам суда Типпекану, за период с июля 1980 года по сентябрь 1982 года он провел в тюрьме всего десять дней — по обвинению в побоях и за правонарушения типа пьянства в общественном месте, противоправные действия и нанесение ущерба. Когда Роуз наконец добрался автостопом в Лос-Анджелес, то старался технично избегать арестов. Он еще долго туда не вернется.

Если Эксл Роуз — последняя великая рок-звезда, то Билл Бэйли — грустный, милый, умный, обиженный и злой ребенок. Казалось бы, Эксл оставил его в Лафайете, но он упрямо вылезает в каждом провале на сцене и каждой катастрофе,

происходящей за кулисами, в каждом проявлении упрямства и вспыльчивости. А еще этот ребенок в крайне редкие моменты доброты и уязвимости проявляет себя в песнях о любви, где раскрывает душу и так яростно защищается. Вот он, в песне «One in a Million»: «Полицейские и ниггеры, убирайтесь с дороги!» — и в песне «Sweet Child o' Mine»:

«У нее такая улыбка, что, кажется, она напоминает мне о детстве...» Это Роуз решил включить кавер на песню Чарльза Мэнсона в альбом «Spaghetti Incident?», и это Роуз старательно подражает Элтону Джону и Фредди Меркьюри. Это он неумолимо стремится контролировать все, что связано с Guns N' Roses, — от прав на название группы до сохранения музыкального наследия. Довольно легко проследить связь между юным Биллом Бэйли, который мечтает когда-нибудь исполнять песни не только в ванной родительского дома, где его не слышит фанатично-религиозный отец, и шедевральной альбомом «Chinese Democracy» — настолько выдающимся и опережающим время, что он мог принадлежать только рок-музыканту затворнику, который воспользовался возможностью представить миру совершенное произведение искусства, созданное там, где никто его не тревожит.

Наша история начинается 6 февраля 1962 года, когда у прелестной 17-летней матери-одиночки по имени Шэрон Линтнер, заканчивающей школу, и хулигана из Лафайета, которого тоже звали Уильям Роуз и которому даже школьное образование не давалось, появился на свет Уильям Брюс Роуз. Уильям и Шэрон то ли были женаты, то ли нет, но в 1964 году, когда Биллу не было еще и двух лет и он не осознавал, что происходит, родители разошлись. Биологический отец, возможно, похитил малыша и совершил в его отношении сексуальное насилие, хотя это, конечно, не точно. Когда много лет спустя Эксл занялся «регрессионной терапией», он утверждал: «Мне не нравилось, как он обращался со мной, еще до рождения, так что, когда я появился на свет,

то уже желал этому ублюдку смерти...» — и продолжал: «Уильям Роуз трахал меня в задницу... Я помню иглу. Помню, что меня укололи. Помню, что меня насильовал этот человек и что-то ужасное случилось с матерью, когда она пришла за мной».

Что было на самом деле, знает только Эклс. Если это и правда произошло, маленький Билл не вспоминал об этом. Год спустя Шэрон познакомилась со Стивеном Бэйли, вышла за него замуж, и Билл рос в уверенности, что Стивен и есть его настоящий отец.

Стивен Бэйли тоже был непростым папашей — Билл попал из огня прямо в польмя... Некоторые друзья в церкви называли Стива Жукон, на самом же деле его звали Преподобный Л. Стивен Бэйли, и его вера была подобна жупелу. Он проповедовал в Пятидесятнической церкви, которая стояла у проселочной дороги среди ферм, где ад и рай казались весьма реальными пунктами назначения, трансцендентность и грех были осязаемы, а люди корчились на полу и произносили слово Божье, которое нужно было поведать миру, где все стремились к пуританству, а рок-н-ролл, алкоголь, секс до свадьбы и другие удовольствия, естественно, были под запретом. Маленький Уильям и его названные брат и сестра, Стюарт и Эми, которые родились вскоре после свадьбы, ходили в церковь за 13 километров каждое воскресенье утром и вечером и каждую среду вечером, а иногда и чаще.

Когда в начальной школе у Уильяма начались очень реалистичные ночные кошмары о том, как они с мамой живут в одном доме со странным мужчиной, который совершает плохие поступки, ему сказали, что эти сны — проделки дьявола. О бесконечных походах в церковь он вспоминал: «Мы собирались в шатре и наблюдали исцеления. Мы видели, как слепые люди начинают читать, а другие — разговаривать на разных языках. Еще там были омовения ног и все такое». Дома Стивен Бэйли правил благочестивыми речами и железной рукой.

Уильяма ударили по лицу за то, что он взглянул на женщину в бикини в рекламе по телевизору, а сам телевизор вскоре после этого выбросили. Дети Бэйли слушали радио один раз в неделю днем по воскресеньям, когда у Стивена и Шэрон было «особенное время» в спальне. Когда много лет спустя Эксла спросили, сохранились ли у него счастливые воспоминания из детства, он ответил: «Было ли мне весело? Ого! Пожалуй, я помню, как в детстве мы играли втроем с братом и сестрой, когда отчим был в хорошем настроении, и мы возились друг с другом, словно убегая от реальности, и по-настоящему веселились».

Это все, больше никаких хороших воспоминаний. Обстановка в семье привела к внутренней социализации. Дети начали делать друг другу замечания, если кто-то из них видел или говорил что-то, связанное с сексом. Стивен дисциплинировал и муштровал их, а Шэрон, похоже, всегда была на его стороне. Он включал им записи христианского певца Джимми Сваггерта на катушечном магнитофоне и снова и снова заставлял слушать этого заезженного старого пройдоху. К десяти годам Уильям достаточно хорошо выучил Библию и выиграл церковный конкурс для детей, после чего его пригласили проповедовать. Он научился выступать перед аудиторией, а потом играть на пианино и петь и в этом нашел себя. Билл понял, что ему нравится музыка, и с удовольствием раз за разом репетировал церковные концерты.

Однажды в машине он услышал песню Барри Манилоу «Mandy», и припев был такой заводной, что Уильям начал подпевать. За что тут же получил удар по губам от Стивена, потому что песня эта «от лукавого». Эй, если за песню «Mandy» получаешь в челюсть, то какой же силой должна обладать эта музыка? Шэрон подарила Уильяму небольшой радиоприемник — вероятно, из чувства вины перед ним за отчима. Билл слушал его по ночам под одеялом, и перед ним открылся мир за пределами Лафайета, школы и церкви: